

ЖАНРЫ СМИ

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 4 (44). С. 357–367

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 4 (44), pp. 357–367

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-357-367>, EDN: WNTLRT

Научная статья

УДК [[811.161.1+811.111(73)]'373.612.2'38]:[070:316:658](470+571+73)

**Концептуальный образ страны-оппонента в жанре аналитической статьи
в российских и американских общественно-политических массмедиа
(на материале деструктивных метафор)**

Л. В. Балашова[✉], К. И. Кириллова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории,
истории языка и прикладной лингвистики, balashova53@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1129-7009>

Кириллова Ксения Игоревна, аспирант, ассистент кафедры теории, истории языка и прикладной
лингвистики, kirillovakseniya1999@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5302-504X>

Аннотация. В работе дается комплексный (семантический, когнитивный, прагматический, функциональный, дискурсивный) анализ использования деструктивной бытийно-динамической модели метафоризации в жанре аналитических статей текстовых общественно-политических СМИ 2022–2024 гг. при характеристике страны-оппонента: в 9 российских изданиях – США, в 9 американских – РФ. Материал исследования – 52 единицы в 102 контекстах, извлеченных из 45 российских статей; 45 единиц в 88 контекстах, извлеченных из 49 американских статей. Актуальность темы связана с дискуссионностью таких ключевых проблем, как: типология современных текстовых жанров массмедиа, содержательно-функциональные и языковые особенности аналитических статей, в частности, специфика употребления в них концептуальных метафор. Цель исследования – выявить общее и различное в использовании деструктивной модели метафоризации в жанре аналитических статей российских и американских массмедиа при формировании концептуального представления о государстве – политическом оппоненте (США и РФ). При анализе использовались современные когнитивно-семантические и когнитивно-дискурсивные методики анализа текстового материала. В результате исследования было установлено, что в российских и американских аналитических статьях регулярно употребляется единая деструктивная модель метафоризации с семантически однотипными источниками формирования переносов. Но конкретные ситуации, отраженные в метафорических контекстах, а также синтаксическая, семантическая и лексическая сочетаемость русских и английских метафорических единиц позволяют создать индивидуальный концептуальный образ страны-оппонента (США и России), соответствующий общественно-политической / идеологической картине мира субъекта речи. Тем самым можно утверждать, что именно когнитивная функция концептуальных метафор становится ведущей в исследуемом жанре.

Ключевые слова: жанр аналитической статьи, российские и американские текстовые массмедиа, деструктивная модель метафоризации

Для цитирования: Балашова Л. В., Кириллова К. И. Концептуальный образ страны-оппонента в жанре аналитической статьи в российских и американских общественно-политических массмедиа (на материале деструктивных метафор) // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 4 (44). С. 357–367. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-357-367>, EDN: WNTLRT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Conceptual Image of a rival country in analytical articles in Russian
and American socio-political mass media (based on destructive metaphors)**

L. V. Balashova[✉], K. I. Kirillova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Lyubov V. Balashova, balashova53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1129-7009>

Kseniia I. Kirillova, kirillovakseniya1999@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5302-504X>

Abstract. The article provides a comprehensive (semantic, cognitive, pragmatic, functional, discursive) analysis of the use of destructive existential-dynamic metaphors in analytical articles in textual socio-political media published in 2022–2024. when characterizing the rival country: in 9 Russian online-newspapers – the USA, in 9 American online-newspapers – the Russian Federation. The research material consists of 52 metaphorical units in 102 contexts extracted from 45 Russian articles and 45 metaphorical units in 88 contexts extracted from 49 American articles. The relevance of the topic is connected with the debatable key problems such as: the typology of modern mass media text genres, the content-functional and linguistic features of analytical articles, in particular, the specificity of the use of conceptual metaphors in them. The aim of the article is to identify similarities and differences in the use of the destructive metaphors in the genre of analytical articles of Russian and American mass media in the formation of a conceptual understanding of the politically opponent state (USA and Russian Federation). The analysis used modern cognitive-semantic and cognitive-discursive techniques for textual material analysis. As a result of the study, it was found that in Russian and American analytical articles the same destructive model of metaphorization with semantically similar sources of transference formation is regularly used. But specific situations reflected in metaphorical contexts, as well as the syntactic, semantic and lexical compatibility of Russian and English metaphorical units, make it possible to create an individual conceptual image of the rival country (USA and Russia) in accordance with the socio-political / ideological political worldview of the subject of speech. Thus, it can be claimed that it is the cognitive function of conceptual metaphors that becomes leading in the genre under study.

Keywords: genre of analytical newspaper article, Russian and American textual mass media, destructive metaphor

For citation: Balashova L. V., Kirillova K. I. Conceptual Image of a rival country in analytical articles in Russian and American socio-political mass media (based on destructive metaphors). *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 4 (44), pp. 357–367 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-357-367>, EDN: WNTLRT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Данная статья является продолжением изучения концептуальных метафор в жанре аналитических статей (далее АС) в современных общественно-политических массмедиа (см.: [1, 2]). Объектом данного исследования стали деструктивные переносы, фиксируемые в АС в СМИ 2022–2024 гг.: в российских изданиях – при характеристике США, в американских – РФ. Материалом для анализа послужили 45 российских и 49 американских публикаций из электронных вариантов печатных и собственно цифровых газетных (отчасти еженедельных журнальных) массмедиа¹.

Актуальность исследования обусловлена несколькими причинами. Во-первых, традиционная дискуссия о типологии и языковой

специфике жанров текстовых (прежде всего – газетных) общественно-политических массмедиа в последние годы обостряется в связи с развитием цифровых массмедиа и их взаимодействием с традиционными печатными СМИ (ср.: [3–6]). Во-вторых, открытым остается вопрос о содержательных, композиционных и языковых особенностях аналитической публицистики (ср.: [7–9]). В частности, весьма неоднозначным оказывается соотношение информативной и собственно аналитической (логической, аргументирующей), объективной и субъективной, манипулирующей составляющих в жанре массмедиа (ср.: [10–16]). В-третьих, сохраняет актуальность проблема значимости и основных функций метафоры в политическом дискурсе в целом и его

¹Российские СМИ: «Аргументы и факты» – <https://aif.ru/> (далее АиФ); «Ведомости» – <https://www.vedomosti.ru/> (Вед.); «Завтра» – <https://zavtra.ru/> (Зв.); «Известия» – <https://iz.ru/> (Изв.); «Коммерсант» – <https://www.kommersant.ru/> (Б); «Комсомольская правда» – <https://www.saratov.kp.ru/> (КП); «Московский комсомолец» – <https://www.mk.ru/> (МК); «Правда» – <https://gazeta-pravda.ru/> (Пр.); «РБК» – <https://www.rbc.ru/>; «Российская газета» – <https://rg.ru/> (РГ); «Царьград» – <https://tsargrad.tv/> (ЦГ); американские СМИ: Bloomberg – <https://www.bloomberg.com> (BB); Business Insider – <https://www.businessinsider.com/politics> (BI); Foreign Affairs – <https://www.foreignaffairs.com/> (FA); Foreign Policy – <https://foreignpolicy.com/> (FP); Fox Business Network – <https://www.foxbusiness.com> (FBN); New York Times – <https://www.nytimes.com/> (NYT); Newsweek – <https://www.newsweek.com/> (NW); U.S. News – <https://www.usnews.com/> (USN); Washington Post – <https://www.washingtonpost.com/> (WP).

отдельных жанрах. Например, по-разному определяется соотношение и взаимодействие таких общих и частных функций, как: информативная, когнитивная, аргументативная, коммуникативная, фатическая, прагматическая, волюнтаривная, эстетическая, эмотивная и др. (ср.: [17–22]). Но практически все исследователи отмечают особую роль концептуальных метафор в формировании общественно-политической (идеологической) картины мира в политическом дискурсе, и особенно в АС, поскольку этот жанр ориентирован на логический, а не на эмоционально-экспрессивный анализ общественно значимых событий (ср.: [22–25]). В связи с этим релевантным представляется сопоставительный анализ одной концептуальной модели в одном массмедийном жанре в российских и американских СМИ при репрезентации образов политических оппонентов (соответственно США и РФ) в условиях усиления конфронтации США и России после начала специальной военной операции в Донбассе и на Украине (24.02.22).

Цель исследования – выявить общее и различное в использовании деструктивной модели метафоризации в жанре АС российских и американских массмедиа при формировании концептуального представления о государстве – политическом оппоненте (США и РФ). При анализе использовались современные когнитивно-семантические и когнитивно-дискурсивные методики анализа текстового материала.

1. Общая характеристика деструктивной бытийно-динамической модели метафоризации

Деструктивная лексика является активным источником метафоризации в русском и английском языках. Наиболее последовательно в жанре АС представлена негативно оценочная **бытийно-динамическая** модель, в которой деструкция воспринимается как аннигиляция какого-либо феномена или утрата структурных связей между феноменами:

- *разрушать*: 'уничтожать, руша, ломая' (*разрушать дома*) → 'ликвидировать'; 'приводить в упадок'; 'нарушать единство'; 'губить' (*разрушать старые порядки / семьи / надежды / планы*); *destroy*: 'разрушать; уничтожать' (*destroy a house*) → 'истреблять'; 'делать бесполезным, сводить к нулю'; 'губить' (*destroy smb.'s hopes / dreams / plans / charm / rights*);
- *разрывать*: 'рывком разделять на части; разъединять что-л. соединенное' (*разрывать цепи*) → 'прекращать действие

каких-л. отношений; того, что связывает какими-л. отношениями' (*разрывать дружеские / дипломатические отношения / договор*); *sever*: 'разъединять; рвать' (*sever a bough from the trunk*) → 'прекращать действие каких-л. отношений; того, что связывает какими-л. отношениями' (*sever diplomatic relations / a friendship*).

При характеристике США в российских публикациях, РФ – в американских текстах деструктивные переносы представлены достаточно последовательно (российские АС – 102 контекста с 52 метафорами; американские – 88 контекстов с 45 метафорами). Реализуется данная модель в виде двух субмоделей – деструктивно-аннигиляционной и деструктивно-реляционной. Когнитивным ядром **деструктивно-аннигиляционной субмодели** (далее ДАС) является представление о деструкции целостного объекта как об уничтожении, прекращении функционирования социально-политического, экономического и подобных феноменов (ср.: *США фактически разрушают все экономики в мире*. И. Буслаева // МК. 20.10.22²; «*There's no question that Washington began to taste the possibilities of destroying all of Russia*». М. Wasiura // NW. 22.05.22). В **деструктивно-реляционной субмодели** (далее ДРС) нарушение связи, соединения автономных объектов воспринимается как нарушение договоренностей между феноменами, как смена партнерских отношений на конфликтные (ср.: *Контакты между американскими и российскими военными были разорваны в 2014 году после воссоединения Крыма с Россией*. К. Суховерхов // Изв. 20.11.22; *The canceling of many flights to and from Russia means even tourism links are breaking down*. J. Whalen // WP. 04.03.22). Реализация субмоделей в российской и американской аналитике оказывается весьма показательной в концептуальном аспекте.

2. Образ США в российских газетных массмедиа

2.1. Деструктивно-аннигиляционная субмодель

ДАС занимает ведущее положение в исследуемом русскоязычном корпусе метафор: 74 контекста (72,5%), в которых зафиксировано 42 переноса.

Показателен состав метафоризируемой лексики.

Во-первых, наиболее последовательно используются переносы на базе единиц, обоб-

²Для сокращения объема текста при цитировании указывается только автор аналитической статьи, издание и время публикации.

ценно именуемых нарушение целостности объекта или конкретизирующих такие его причины, как: удар, падение, ненадежность конструкции, обветшалость объекта (ср.: *деструктивный, атомизировать, рухнуть, рушиться, разрушить, развалить, развалиться, сломать, разбить, распадаться, разойтись по швам*). Реже исходные лексико-семантические варианты (ЛСВ) указывают на деструкцию с помощью колющего / режущего орудия, взрывчатого вещества (ср.: *расколоть, раскалывать, рассечь, расчленив, подрывать, подрыв*). Наконец, единичны примеры лексем и фразеологизмов, исходные значения которых именуют разрушение в результате давления, горения, трагических событий, способных вызвать деструкцию объектов (ср.: *бросить в топку, пройти как каток, катаклизм, катастрофа*). Во-вторых, данные семантические предпочтения получают отражение в метафоризации целых словообразовательных гнезд (ср.: *рушить* – 9 единиц: *рухнуть, рушиться, разрушить, разрушать, разрушаться, разрушение, разрушительный, обрушить, обрушение*; *валить* – 6 единиц: *развалить, развалиться, разваливаться, развал, обвалиться, обвал*; *ломать* – 4 единицы: *ломать, сломать, слом, разлом*; *колоть* – 4 единицы: *расколоть, раскалывать, расколотиться, раскол*). В-третьих, абсолютное большинство метафоризируемых единиц – глаголы (прежде всего – переходные), а также их именные дериваты (ср.: *подрывать, подорвать, подрыв; расчленив, расчленение; распадаться, распад*). Собственно именная лексика представлена несколькими номинациями средства, орудия деструкции (*торпеда, топор, каток, топка*). В-четвертых, субъекты речи отдают предпочтение лексике, фиксирующей максимальную степень разрушения (ср.: *разрушить, разбить, развалить, расчленив, сломать*). Для обозначения действия, которое может привести к деструкции, регулярно используется лишь глагол *ударить* и его субстантивный дериват *удар* (ср.: *Наложив вето на проект резолюции ОАЭ по Газе в Совете безопасности ООН, США ударили по механизму, заложенному в организации*. От ред. // Изв. 12.12.23).

Таким образом, при создании образа США предпочтение отдается конструкциям с агентом, в максимальной степени воздействующим на объект. Состав переносов напрямую связан с концептуальным представлением субъекта речи о внешнеполитической деятельности США, о социально-экономической и политической обстановке внутри страны.

При этом обнаруживается два варианта реализации ДАС.

В основе **первого варианта** (далее ДАС₁) лежит следующая когнитивная матрица. Объект, подвергающийся деструкции, мыслится как нечто монолитное; причиной его деструкции становятся либо внешнее воздействие (удар, взрыв, толчок и т. п.), либо неудовлетворительное состояние самого объекта (обветшалость, непрочность и т. п.). Результат деструкции – уничтожение феномена или попытка его уничтожения. Если при деструкции образуются фрагменты, то они не способны функционировать самостоятельно и / или не отражают сущности исходного целостного объекта.

Российские журналисты, эксперты, политики используют именно этот вариант как базовый (49 из 74 контекстов, или 66,2%), причем для описания определенных типичных ситуаций.

Наиболее последовательно (39 контекстов, или около 80%) с помощью ДАС₁ дается характеристика внешней политики США, их стремления укрепить лидирующее положение в мире. Примечательно, что во всех примерах Штаты выступают в роли инициатора деструкции (уничтожения) какого-либо феномена, а именно:

- действия США, направленные на дестабилизацию общемировой экономической и политической ситуации, – 20 контекстов (ср.: *Именно США разрушили мировую экономику*. И. Буслаева // МК. 20.10.22; *Дальнейшая эскалация, которую инициируют Штаты, чревата глобальной катастрофой*. Е. Панина. // Изв. 31.10.22; *Захарова назвала вето США на резолюцию ОАЭ по Газе ударом по механизму ООН*. От ред. // Изв. 12.12.23);
- действия США, направленные на уничтожение противников и конкурентов (РФ, Китай и др.), – 12 контекстов (ср.: *США пытаются замаскировать свою деструктивную деятельность и подорвать доверие к России*. Г. Пархоменко // РГ. 20.07.23; *[США проводят] политику подрыва мощи и влияния самой России*». С. Строкань // Ъ. 03.05.22; *Наращивая конфронтацию, США и Великобритания работают также на ослабление и разрушение конкурентов*. Е. Панина // Изв. 31.10.22).
- действия США по ослаблению политических союзников (НАТО, ЕС и т. п.), – 4 контекста (ср.: *[Недобросовестная конкуренция США] приводит к разрушению промышленности... вынуждает даже президента Франции ... или канцлера ФРГ ... заявлять о возможности «торговой войны» с Соединенными Штатами*. Е. Панина. // Изв. 31.10.22; *[Власти Украины]*

пытаются угодить своему американскому хозяину, который бросил их – а заодно и всю Европу – в топку войны. Рами Аль-Шаер // Зв. 03.12.22);

- губительные для самих США последствия их недальновидной внешней политики – 3 контекста (ср.: [Путин:] «*Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно ... для самого суверена, потому что разрушает его изнутри*». Рами Аль-Шаер // Зв. 03.12.22; [Внешняя политика США:] «*Торпеда*», *пуценная в последние месяцы, поразит гегемонию США*. Н. Кричевский // Изв. 28.10.22).

Значительно реже (10 контекстов, или чуть более 20%) с помощью ДАС₁ характеризуются два типа процессов внутри США:

- общенациональные (реальные и потенциальные) кризисные явления (6 контекстов), которые квалифицируются как следствие внешнего воздействия (разрушительной деятельности властных структур), стихийного бедствия) или как самопроизвольное разрушение обветшавшего здания с непрочной конструкцией (ср.: *Дефолт потенциально может сломать сформировавшуюся в Америке с начала 2000-х гг. финансово ориентированную экономику*. Д. Перепелица // Вед. 16.05.2023; *Позиции США слабеют, но вместе с тем они не так уж слабы, чтобы крупнейшая на планете держава обвалилась*. В. Кожемякин // АиФ. 29.03.23);
- конфронтация демократов и республиканцев (4 контекста): саморазрушение правящей демократической партии и предельно активная и разрушительная для соперников политика оппозиции (Д. Трамп) (ср.: *По мнению демократов, несвоевременное письмо [30 конгрессменов-демократов к президенту Д. Байдену] подрывает позицию их партии*. Г. Иванов // АиФ. 26.10.2022; *По демократической молодежи он [Д. Трамп.], без сомнения, проидется, словно каток*. В. Воробьев // АиФ. 04.10.22).

Второй вариант ДАС (далее ДАС₂) занимает периферийное положение (25 из 74 контекстов, или 33,8%). В его основе лежит следующая когнитивная матрица. Изначально целостный объект разделяется на отдельные составляющие, которые образуют конструкты, способные функционировать и развиваться самостоятельно, тогда как их первоначальный источник (разрушенный целостный объект) утрачивает свои качественные признаки и перестает существовать как таковой. Принципиально важным последствием деструкции

является отсутствие гармоничного взаимодействия новообразованных объектов, конфликтные отношения между ними.

ДАС₂ примерно с одинаковой регулярностью используется при характеристике трех типов ситуаций (реальных и потенциальных):

- активная внешнеполитическая деятельность США по укреплению лидирующего положения за счет уничтожения международных экономических, политических институтов и главных оппонентов (СССР в прошлом, РФ – в настоящем) (ср.: [Международная деятельность США] *раскалывает некогда глобализованный мир на противостоящие блоки*. А. Лосев // Ъ. 24.05.23; [По вине США и «коллективного Запада»] *произошел множественный и необратимый разлом системы мирового хозяйства*. А. Конопляник // Вед. 31.05.23; *НАТО [во главе с США] вспоролло границы Советского Союза, раскололо его на обрубки*. А. Проханов // Зв. 23.03.22; [В США] *звучат прямые призывы «уничтожить», «ликвидировать», «расчлнить» нашу страну*. В. Овчинников // Зв. 07.11.22);
- потенциальное разрушение США как единого государства из-за роста внутренних социально-экономических и политических проблем (такая характеристика отражена лишь в одной АС: *В числе причин, которые могут способствовать распаду США, глава Совбеза назвал сомнительные американских элит, возмнивших себя «неприкасаемыми»; США могут «разойтись по швам» как лоскутное одеяло*. В. Кожемякин // АиФ. 29.03.23);
- активное продвижение США идеологии, направленной на разрушение традиционных социальных и нравственных норм (ср.: *Это [из-за позиции США и «коллективного Запада»] уже сложившаяся мировая тенденция, когда социум целенаправленно разрушается и атомизируется до уровня индивидов*. А. Ильницкий // АиФ. 28.07.22).

Таким образом, при реализации ДАС в жанре АС внимание концентрируется на активной внешнеполитической деятельности США по утверждению собственной гегемонии в мире за счет агрессивного негативного воздействия на все мировое сообщество.

2.2. Деструктивно-реляционная субмодель

Деструктивно-реляционная субмодель (ДРС) представлена в исследуемых аналитических статьях значительно реже ДАС (28 контекстов, или 27,5% контекстов с 10 деструктивными метафорами). Как и в ДАС,

здесь выделяются два варианта, напрямую связанные с семантикой источников формирования переносов.

Первый вариант ДРС (далее ДРС₁) формируют 7 лексем и фразеологизмов, первичные ЛСВ которых указывают полную или частичную деструкцию твердого цельного объекта (или состоящего из плотно пригнанных друг к другу нескольких таких объектов) в результате его сгиба, удара, с помощью колющего, режущего орудия, а также результат таких действий: *расколоть, раскалывать, раскол, надлом, разлом; вбить клин; трещина*. При метафоризации акцент делается на утрате частями дискретного множества единой позиции, на переход от сотрудничества к конкуренции конфронтации, что пагубно влияет функционировании «расчлененного» целого (ср.: *В то же время ... в рядах республиканцев наметился раскол*. Ю. Герасимова // АиФ. 29.10.22; *Вопрос финансирования Украины расколол Конгресс*. П. Конопляно // МК. 25.09.23). Данный вариант представлен в 17 контекстах (более 60% с ДРС) при характеристике трех типов ситуаций.

Во-первых, наиболее последовательно (и в этом состоит специфическая особенность ДРС¹ в отличие от ДАС в целом) с помощью этого вида метафор квалифицируется реальная и потенциальная нестабильность внутри США (в обществе, в законодательных органах и исполнительной власти) – 9 контекстов (ср.: *Обозреватель The Guardian Арва Махдави заявила, что американцы готовятся к возможному расколу общества и гражданской войне в США*. Ю. Герасимова. // АиФ. 14.09.22; *Также нужно учитывать, что нынешняя американская администрация расколота*. Группа «Прямая речь» // Ё. 24.06.23; *Идейные основы, способные объединить страну по линии раскола, давно мертвы*. И. Титов // Зв. 16.11.22). Во-вторых, с помощью этого вида переносов характеризуются разногласия между США и их союзниками – 4 контекста (ср.: *По его мнению, президент России Владимир Путин ждал «в надежде на надлом [между США и их союзниками] в вопросе поддержки Украины»*. Теперь же, пишет автор, «наконец начали появляться первые трещины». Ю. Герасимова // АиФ. 29.10.22). В-третьих, подобного рода метафоры акцентируют внимание на активной деятельности США по дестабилизации отношений между оппонентами и конкурентами США – 4 контекста (ср.: *В последние годы США и Европа все более настойчиво пытались вбить клин между Россией и Китаем, по сути, даже не скрывая этих намерений*. О. Карпович // Вед. 26.05.23).

Второй вариант ДРС (далее ДРС₂) (11 контекстов) формируют 3 однокоренные лексемы (*разорвать, разрыв, прерываться*), исходные ЛСВ которых указывают на разделение на части специальных приспособлений (шнуров, веревок, цепей), используемых для соединения автономно функционирующих объектов. При метафоризации нарушение связи ассоциируется с прекращением действия каких-либо отношений, договоренностей и т. п. В нашем материале такого рода переносы обычно (9 из 11 контекстов) характеризуют конфронтацию США и России, инициатором которой являются США (ср.: *По вине Вашингтона, взявшего на вооружение оголтелую русофобию, они [связи РФ и США] предельно истончились, рискуют быть разорванными в любой момент. ... До разрыва отношений с США один шаг*. И. Пшеничников // ЦГ. 06.01.24).

Таким образом, ДРС, несмотря на меньшую представленность в аналитических статьях и меньшее число метафоризируемых единиц, отмечена системностью в репрезентации негативного образа США, создающего угрозу для всего мира, включая себя самих.

3. Образ РФ в американских газетных массмедиа

3.1. Деструктивно-аннигиляционная субмодель

При репрезентации образа РФ в американских АС, как и США в российских АС (72,5%), ДАС оказывается ведущей – 64 контекста (72,7%) с 29 метафорами. Меньшее по сравнению с русским языком (ср.: 42 единицы) число используемых лексем обусловлено лексикограмматическими особенностями английского языка (частеречная многозначность, способность одной лексемы выражать значения с результативным и нерезультативным значением и т. п.). Принципиально же важным является семантическое единство английской и русской деструктивной лексики, используемой как источник формирования переносов:

- деструкция объекта от удара, толчка, взрыва, давления, падения, ненадежности / обветшалости конструкции или обобщенно – 21 единица (ср.: *destroy, destroying, ruin, lie in ruins, destructive, hit, strike, break, breaking, trample, crush, squash, trample, fall, fall apart, disintegrate, disintegration, crumble, blow, damage, ravage; unravel*). Специфика отмечается только в отношении единиц, указывающих на деструкцию изделий из ткани: в русском языке ее причиной является ветхость конструкции (*разойтись по швам*), в английском – действие насекомых-вредителей (*moth-eaten*);

- деструкция объекта с помощью колющего/режущего оружия – 6 единиц (ср.: *divide, division, fragment, dismember, fracture, rupture*);
- события, вызывающие деструкцию, – 1 единица (*catastrophe*).

Кроме того, американские журналисты и цитируемые ими источники, как и русские, отдают предпочтение именованию максимальной деструкции, а номинации действий, способных нарушить целостность объекта, единичны (ср.: *hit*).

Наиболее концептуально значимым представляется тот факт, что в американских АС при формировании образа России, как и образа США в русских изданиях, используется два варианта реализации ДАС.

Не менее показательным является то, что базовым, как и в российских СМИ, становится **первый вариант ДАС (ДАС₁)** – 40 из 64 контекстов, или 62,5% примеров реализации ДАС (ср. в русском языке – 66,2%). Однако типы ситуаций, описываемых с помощью таких переносов, имеют определенную специфику.

Так, внешнеполитические процессы, связанные с Россией, в американских АС отражены в 25 контекстах (62,5% случаев реализации ДАС₁), что значительно меньше примеров характеристики внешней политики США в российской прессе (ср.: около 80%). Принципиально другими оказываются и конкретные типы ситуаций.

Регулярно (16 контекстов из 25) Россия на международной арене позиционируется как агент негативных деструктивных процессов, но почти исключительно в отношении одного государства – Украины. Примечательно, что результативность подобных действий распространяется только на экономику и гуманитарную ситуацию в стране, что является следствием прямых разрушений экономических объектов (ср.: *Two months of relentless missile and drone attacks by Russia have decimated Ukraine's critical infrastructure and blown a hole in projections for the country's war-ravaged economy*. J. Stein // WP. 12.12.22; *Mining and manufacturing – which make up roughly one-fifth of Ukraine's economy – are among the hardest-hit sectors*. S. Morgunov // WP. 15.12.22; *When he met Yellen in October, Marchenko warned that the energy attacks could unravel previous calculations, but he had no idea how bad things would get*. S. Morgunov // WP. 15.12.22). При включении же деструктивных метафор в характеристику внутривнутриполитической или идеологической ситуации на Украине используются конструкции с ирреальной модальностью, что отражает идеологические установки субъектов речи (ср.: *Ukrainians are adamant that Russia's missile attacks will not break their fighting spirit*. S. Morgunov // WP. 15.12.22; *The attack*

was "another primitive attempt by the Kremlin to show its own power," Ukrainian presidential adviser Mykhailo Podolyak said in an interview, "as if they still have the power to destroy Kyiv as a decision-making center." K. Ables // WP. 16.05.23).

Не менее показательным в идеологическом аспекте оказывается то, что Россия, в отличие от США в российских АС, регулярно выступает также в роли объекта деструкции со стороны внешних сил – 9 контекстов из 25, причем в большинстве случаев агентом такого негативного воздействия является «коллективный Запад», США, использующие для достижения своей цели санкции (ср.: *"As a country, Russia is ruined for decades to come," she says. "The whole world is behind Ukraine. [The rest of the world] will never, ever be normal with us. Not even a handshake."* K. Parker // WP. 11.03.22; *Russian President Vladimir Putin has cast Moscow's military action in Ukraine as an existential battle against purported attempts by the West to destroy Russia* // AP. 28.11.23). Кроме того, косвенным агентом негативных процессов в российском обществе, во властных структурах, по мнению авторов публикаций и цитируемых ими политиков, может выступить специальная военная операция на Украине (ср.: *Others who agree with this thinking say Putin's defeat in Ukraine will destroy his strongman cult and expose him as a weak leader*. A. Vohra // FP. 17.04.23; *The Kyiv front stalemated almost immediately. Everything about the assumptions of the Russian war plan fell apart*. W. M. Arkin // NW. 24.08.22).

При характеристике внутривнутриполитических социально-экономических и политических процессов деструктивные метафоры на базе ДАС₁ используются реже – 15 из 40 контекстов (37,5%), но это значительно больше, чем при характеристике внутривнутриполитической ситуации в США (ср.: 20%).

Безусловной спецификой отмечены конкретные события, обстоятельства и т. п., выражаемые с помощью данных переносов. Наиболее последовательно (11 контекстов из 15) таким образом авторы американских аналитических статей позиционируют агрессивную, с их точки зрения, политику российской власти по отношению к оппозиции и простым гражданам (ср.: *Since 2020, the Kremlin has worked tirelessly to crush dissent*. R. Dixon // WP. 14.03.24; *"The state will be their next target of placing anger and their main enemy," Florin added, "as it is the state that ruined their lives"*. M. Ilyushina // WP. 10.12.22). Кроме того, подобным образом субъект речи может делать акцент на нестабильности, предрасположенности к саморазрушению вла-

сти и РФ в целом (ср.: *All his years in power have earned him the benefit of the doubt among Russia's powerful, a group moth-eaten by negative selection.* L. Bershidsky // BB. 15.09.22; *Both those who believe a Russian collapse is imminent and those who warn against it agree on one thing: The Russian Federation has never truly been, well, a federation.* A. Vohra // FP. 17.04.23).

Второй вариант ДАС (ДАС₂) представлен меньшим числом примеров – 24 из 64 контекста, или 37,5% (ср. в русских текстах – 33,8%). Безусловной спецификой отмечены реальные и потенциальные ситуации, выражаемые с помощью такого рода переносов.

Так, активная внешнеполитическая деятельность России отражена в относительно небольшом числе примеров (5 контекстов из 24), причем все они позиционируют РФ и ее политическую элиту как прямого или косвенного инициатора дезинтеграции мирового сообщества, враждебных России блоков и государств (ср.: *World Will Divide in Two Blocs, Democracy vs. Autocracy, Ex-NATO Chief Says.* T. O'Connor // NW. 10.05.22). Значительно более последовательно с помощью метафор на базе ДАС₂ (16 из 24 контекстов) позиционируется потенциальное разрушение РФ как единого государства, ее разделение на отдельные региональные и национальные составляющие, причем разные авторы оценивают такую перспективу как вероятную и маловероятную. Кроме того, подобного рода дезинтеграция (в зависимости от идеологических установок аналитиков) может квалифицироваться как следствие внутренних конфликтов или внешнего вмешательства. Примечательно, все эти оценки сосредоточены в рамках одной АС (ср.: *Janusz Bugajski, a senior fellow at the Jamestown Foundation, has recently written a book called "Failed State: A Guide to Russia's Rupture"; The West Is Preparing for Russia's Disintegration; Russia's disintegration is "highly improbable," said Joana Deus Pereira, a senior research fellow at the Royal United Services Institute, Europe.* A. Vohra // FP. 17.04.23). Единичными примерами (3 примера из 24) представлен третий тип ситуаций, выражаемых с помощью такого рода переносов. Это активная, по мнению ряда американских аналитиков, политиков и т. п., деятельность российской политической элиты по дезинтеграции оппозиции в стране (ср.: *The regime uses them to divide and fragment any real opposition.* R. Dixon // WP. 14.03.24).

Таким образом, с помощью метафор, формируемых на базе ДАС, американские авторы АС и цитируемых ими источников формируют в сознании читателей образ России как нестабильного и предрасположенного к кра-

ху авторитарного и агрессивного государства, причем эта агрессия преимущественно направлена на Украину и внутреннюю оппозицию.

3.2. Деструктивно-реляционная субмодель

Метафоризация в рамках ДРС в американских АС отражена в 24 контекстах, или 27,3% всего исследуемого корпуса переносов (ср. в русских АС – 27,5%). Как и в российских АС, используются два варианта субмодели.

Первый вариант ДРС (ДРС₁) представлен в 10 контекстах с 7 единицами, которые, как в русском языке, в первичных ЛСВ указывают на полную/частичную деструкцию цельного или состоящего из плотно пригнанных друг к другу частей объекта (*destroy, crumble, split, splintering, fissiparous, divide, drive a wedge*), а в переносных – на утрату единства внутри какого-либо сообщества, на смену партнерских отношений на конфликтные.

Данный вариант используется американскими журналистами и цитируемыми ими политиками, экспертами в трех типах ситуаций (реальных или потенциальных), как правило, для позиционирования РФ как агрессивного, авторитарного и нестабильного государства:

- внешнеполитическая деятельность РФ, направленная на дестабилизацию партнерских отношений внутри «коллективного Запада», между США и их союзниками (ср.: *Russia will continue to drive a wedge between the Balkans and the West.* J. Stavridis // WP. 04.10.22; *And there will be a lot of attempts [со стороны России] to split the U. S. and countries within Europe.* T. O'Connor // NW. 10.05.22);
- усиление противоречий между РФ и ее ближайшими союзниками (бывшими советскими республиками) в рамках общих экономических и политических организаций (ср.: *Russia's relationships with other CSTO members are also increasingly strained, and experts on Russia and post-Soviet states previously told Business Insider that the alliance was crumbling. ... Russia's response to the terror attack on Friday in Moscow could drive a wedge between the country and one of its historical allies.* S. Baker // BI. 25.03.24);
- нарастание межнациональной напряженности внутри РФ (ср. *Russia will never resolve its inner weaknesses – a shrinking population, fissiparous ethnic minorities, a brain drain and an energy-dependent economy – through foreign conquests.* B. Stephens // NYT. 26.03.24).

Второй вариант ДРС (ДРС₂), акцентирующий внимание на прекращении взаимодей-

ствия самостоятельно функционирующих феноменов, отражен в 14 контекстах (ср. в российских публикациях – 11), в которых фиксируется 9 метафор, что значительно больше соответствующих русских текстов (3 лексемы). Кроме того, первичные ЛСВ английских лексем указывают не только на разделение на части специальных приспособлений – шнуров, веревок, цепей (ср.: *break, breaking, break down, break off, sever, rupture*), но и на разрушение более фундаментальных объектов с соединительной функцией, например, мостов (*demolition, lie in ruins*). В русском языке есть подобные переносы (ср. фразеологизм: *сжечь мосты*), но в анализируемом материале они не представлены.

В ситуативном аспекте субъекты речи используют ДРС₂ исключительно позиционирования России как страны, с которой «цивилизированный» мир прекращает взаимодействовать в экономической, политической, культурной и других сферах (ср.: *The West's resolve in breaking with Russia is being watched closely around the world*. D. Brennan // NW. 03.08.22).

Таким образом, метафоры на базе ДРС в американских аналитических статьях системно и последовательно используются для формирования у читателей негативного образа РФ как страны-изгоя с нестабильным внутренним и внешнеполитическим положением.

Заключение

Деструктивная лексика регулярно используется в жанре российских и американских АС, причем основная функция таких переносов – когнитивная, остальные (в частности, волюнтаривная) являются следствием употребления метафор в рамках единой концептуальной модели, реализующейся в виде двух субмоделей (ДАС и ДРС). Каждая из указанных субмоделей имеет единую для российских и американских АС когнитивную матрицу, которая выражается с помощью однотипных по первичной семантике русских и английских лексических единиц. Не менее значимой полагаем идентичность в степени представленности каждой из субмоделей и их вариантов в жанре российских и американских АС.

Вместе с тем единая когнитивная матрица с однотипными лексическими средствами выражения используется для формирования индивидуальных концептуальных образов стран-оппонентов (США и России). Данные обра-

зы соответствуют общественно-политическим картинам мира авторов публикаций. Однако общим в этих картинах является демонстрация усиления конфронтации между этими государствами: США в жанре российских АС, Россия – в американских АС выступают прежде всего в роли агрессивного врага/оппонента, чья международная деятельность имеет пагубные последствия.

Анализ средств реализации деструктивной модели в жанре российских и американских АС позволяет выявить и существенные различия концептуально-ситуативного характера в формировании образа страны-оппонента. Так, в российских публикациях акцент делается на стремлении США к глобальному доминированию за счет активного негативного социально-экономического и иного давления на все мировое сообщество (международные институты, страны, которые Штаты воспринимают как оппонентов и конкурентов, а также как подвластных им союзников). В американских АС активное негативное воздействие со стороны России отмечается преимущественно по отношению к Украине, тогда как сама РФ предстает в роли объекта негативного воздействия со стороны США и возглавляемого ими «коллективного Запада».

Наиболее заметные различия отмечены в репрезентации внутренней социально-экономической и политической ситуации страны-оппонента. В российских массмедиа акцент делается на конфронтации демократов и республиканцев, на ошибках властных структур США, способных привести к пагубным последствиям общенационального масштаба. Американские публицисты с помощью аналогичных переносов стремятся представить Россию в образе экономически и политически нестабильного авторитарного государства.

Следует подчеркнуть, что обнаруженные общие и специфические особенности в формировании образа страны-оппонента в жанре российских и американских АС отражают только ту часть общественно-политической картины мира, которая выражается с помощью одной (деструктивной) концептуальной модели и не может быть распространена на идеологические концепты стран-оппонентов в целом. Чтобы адекватно воспроизвести эти образы, необходимо проанализировать все основные модели метафоризации, зафиксированные в жанре российских и американских АС в указанный период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кириллова К. И. Аналитический обзор о США в современных российских массмедиа: особенности

жанровой структуры (на материале пространственных метафор) // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 266–276. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-266-276>

2. Кириллова К. И. Роль деструктивной метафоры в формировании современной политической картины мира (на материале идеологемы США в российских газетных массмедиа) // Русский язык и ценностные ориентиры современного мира: сборник материалов международной научно-практической конференции (ПГНИУ, 2–3 февраля 2024 г.) / под общ. ред. Н. В. Данилевской. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. С. 271–280.

3. Калягин Б. А. Характерные черты современной прессы США // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2012. № 3. С. 116–132.

4. Лазутина Г. В., Распопова С. С. Жанры журналистского творчества. М. : Аспект Пресс, 2011. 320 с.

5. Шарков Ф. И. Интернет и масс-медиа: локальный дискурс в сетевых массовых коммуникациях // Коммуникология. 2014. Т. 8, № 6. С. 15–28.

6. Rulyova N., Westley H. Changing News Genres as a Result of Global Technological Developments // Digital Journalism. 2017. Vol. 5, № 8. P. 986–1005. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1351882>.

7. Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. Изменения в информационных и аналитических жанрах современных СМИ // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 155–165. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-155-165>

8. Довгаль Е. В. Аналитическая статья как разновидность медийного дискурса // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах. Вып. 9. Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2011. С. 357–361.

9. Никонова Е. А. Жанр «аналитическая статья» (на примере текстов англоязычной качественной прессы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 2. С. 43–47. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.9>

10. Абанина И. Л. Специфика интертекстуальных связей в аналитическом жанре газеты (на материале аналитических статей англо-американских газет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 21 с.

11. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Изд. дом ЯСК, 2022. 831 с.

12. Гришаева Л. И. Как в медиадискурсе информирование становится манипулированием // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. 2015. № 6 (717). С. 179–191.

13. Кардунян М. С., Павленко В. Г., Щеглова О. Г. Оценка явлений и событий действительности: аналитические доминанты (на примере англоязычных аналитических статей) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. Филология. 2022. Июль. № 7–2. С. 78–81. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.07-2.10>

14. Краева Т. П. Лингвостилистические особенности англоязычного информационно-аналитического медиатекста // Dictum – Factum: от исследований к стратегическим решениям. Белгород : ПОЛИТЕРРА, 2022. № 7–8. С. 101–108.

15. Манаенко С. А. Комментарий в аналитическом публицистическом тексте: роль дискурсивных слов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах. Вып. 4. Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2006. С. 211–217.

16. Фролова И. В. О выражении субъективности в аналитических статьях качественной британской и российской прессы // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 138–143.

17. Балашова Л. В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 11–23.

18. Балашова Л. В. «Дипломатичное» и «недипломатичное» в жанрах дипломатического дискурса: на материале метафор в текстах пресс-конференции и интервью Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, посвященных военной спецоперации на Украине // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 272–284. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-272-284>

19. Балашова Л. В. Эмотивная метафорика в жанрах дипломатического дискурса: динамический аспект (на материале текстов пресс-конференций и интервью министра иностранных дел С. В. Лаврова 2023 года) // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 337–348. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-337-348>

20. Баранов А. Н. Речевое воздействие и аргументация // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М. : Изд-во Междунар. ин-та рекламы, 2000. С. 187–204.

21. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2001. № 6. С. 132–149.

22. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.

23. Балашова Л. В. Жанр обращения Президента России к ее гражданам в период первой волны пандемии КОВИД-19 в зеркале концептуальной метафоры // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 115–132. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-115-132>

24. Видерас С. Ф. Метафора и сравнение как средства речевого воздействия (на материале аналитических статей о победе Дональда Трампа на выборах США) // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия : Лингвистика. 2019. № 3. С. 6–12. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2019-3-6-12>

25. Жантурина Б. Н., Знак Б. Н., Новикова З. А. Синкретизм смыслов в цветовой политической метафоре *красные линии – red lines* // Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95). С. 192–198. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_05_20

REFERENCES

1. Kirillova K. I. Analytical Review of the USA in Modern Russian Mass Media: Features of the Genre Structure (Based on Spatial Metaphors). *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 266–276 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-266-276>

2. Kirillova K. I. The Role of Destructive Metaphor in the Formation of a Modern Political World View (Based on the Material of Russian Mass Media). In: *Russkiy yazyk i tsennostnyye oriyyentiry sovremennogo mira: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (PGNIU, 2–3 fevralya 2024 g.). Pod obshch. red. N. V. Danilevskoy* [Danilevskaya N. V., ed. Russian Language and Value Orientations of the Modern World: Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference (PSNU, February 2–3, 2024)]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2024, pp. 271–280 (in Russian).

3. Kalyagin B. A. Characteristic features of the modern US press. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2012, no. 3, pp. 116–132. (in Russian).

4. Lazutina G. V., Raspopova S. S. *Zhanry zhurnalistskogo tvorchestva* [Genres of journalistic creativity]. Moscow, Aspekt Press, 2011. 320 p. (in Russian).
5. Sharkov F. I. Local Discourse in Network Mass Communications. *Communicology*, vol. 8, no. 6, pp. 15–28 (in Russian).
6. Rulyova N., Westley H. Changing News Genres as a Result of Global Technological Developments. *Digital Journalism*, 2017, vol. 5, no. 8, pp. 986–1005. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1351882>.
7. Degaltseva A. V., Sirotinina O. B. Changes in informative and analytical genres of modern media. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 155–165 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-155-165>
8. Dovgal E. V. Analytical Article as a Kind of Media Discourse. *Language. Text. Discourse: Science Almanac*. Stavropol, Stavropol State Pedagogical Institute Publ., 2011, iss. 9, pp. 357–361 (in Russian).
9. Nikonova E. A. Genre “Analytical Article” (using the example of texts from the English-language quality press). *Philology. Theory & Practice*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 43–47 (in Russian) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.9>
10. Abanina I. L. *Specific Characteristics of Intertextual Connections in Newspaper Analytical Genre (on the Material of Analytical Articles of English and American Newspapers)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2009. 21 p. (in Russian).
11. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkie rechevye zhanry* [Russian Speech Genres]. Moscow, LRC Publishing House, 2022. 831 p. (in Russian).
12. Grishaeva L. I. How Does Informing Turn into Manipulating in Media Discourse? *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2015, no. 6 (717), pp. 179–191 (in Russian).
13. Kardumyan M., Pavlenko V., Shcheglova O. Assessment of Phenomena and Events of Reality: Analytical Dominants (on the Material of English-Language Analytical Articles). *Modern Science: actual problems of theory and practice. Humanities. Philology*, 2022, no. 7–2, pp. 78–81 (in Russian). <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.07-2.10>
14. Kraeva T. P. Linguostylistic Features of the English-Language Informational and Analytical Media Text. *Dictum – Factum: ot issledovaniy k strategicheskim resheniyam*, 2022, no. 7–8, pp. 101–108 (in Russian).
15. Manaenko S. A. Comment in analytical journalistic text: The role of discursive words. *Language. Text. Discourse: Science Almanac*. Stavropol, Stavropol State Pedagogical Institute Publ., 2006, iss. 4, pp. 211–217 (in Russian).
16. Frolova I. V. On Expression of Subjectivity in Analytical Articles of the British and Russian Quality Press. *Political Linguistics*, 2015, no. 1 (51), pp. 138–143 (in Russian).
17. Balashova L. V. Political 2012 in the Mirror of Conceptual Metaphors. *Political Linguistics*, 2013, no. 2 (44), pp. 11–23 (in Russian).
18. Balashova L. V. “Diplomatic” and “undiplomatic” in the genres of diplomatic discourse: Based on metaphors of Russian foreign Minister Sergey Lavrov used during press conferences and interviews on the special military operation in Ukraine. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 272–284 (in Russian) <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-272-284>
19. Balashova L. V. Emotive metaphors in the genres of diplomatic discourse: A dynamic aspect (based on the texts of the press conference and interview of Russian foreign minister Sergey Lavrov in 2023). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 337–348 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-337-348>
20. Baranov A. N. Speech Influence and Argumentation. In: *Reklamnyj tekst. Semiotika i lingvistika* [Advertising Text. Semiotics and Linguistics]. Moscow, International Institute of Advertising Publ., 2000, pp. 187–204 (in Russian).
21. Kobozeva I. M. Semantic Problems in the Analysis of Political Metaphors. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Philologiya*, 2001, no.6, pp. 132–149 (in Russian).
22. Chudinov A. P. *Ocherki po sovremennoj politicheskoj metaforologii* [Essays on modern political metaphorology]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2013. 176 p. (in Russian).
23. Balashova L. V. The genre of the Russian Federation’s President’s address to its citizens during the first wave of the COVID-19 pandemic in the mirror of a conceptual metaphor. *Speech Genres*, 2023, vol. 17, no. 2 (34), pp. 115–132 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-115-132>
24. Videras S. F. Metaphor and comparison as a means of speech influence (on the example of analytical articles about the victory of Donald Trump in the US elections). *Bulletin of Moscow Region State University. Series : Linguistics*, 2019, no. 3, pp. 6–12 (in Russian). <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2019-3-6-12>
25. Zhanturina B. N., Znak Yu. E., Novikova Z. A. Syncretism of Meanings in the Political Color Metaphor Krasnye Linii – Red Lines. *Political Linguistics*, 2022, no. 5 (95), pp. 192–198 (in Russian). https://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_05_20

Поступила в редакцию 31.03.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 25.04.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 31.03.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 25.04.2024; published 29.11.2024